

Юрий ЕРГИН,
кандидат физико-математических наук

Габдрахман Фахретдинов

(подлинные документы следственного дела В-4506
журналиста и историка Г.Фахретдинова,
старшего сына муфтия ЦДУМ Ризаэтдина Фахретдинова)

Масштабные политические репрессии конца 1920-х — начала 1930-х годов, тяжело отразившиеся на состоянии советского общества, затронули все его слои, включая духовенство различных конфессий, а также просто верующих людей. Особый режим рассмотрения политических дел, установленный после убийства С.М.Кирова на основе вышедшего за этим постановлении ЦИК РСФСР от 1 декабря 1934 года «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов», задавшего программу карательных мер на ближайшее будущее, положил начало новому этапу борьбы с «врагами народа», характеризующемуся резким увеличением числа политических репрессий и ужесточением их проведения. Особое место в цепи этих событий занимает дело о заговоре руководителей Центрального Духовного Управления мусульман Внутренней России и Сибири, составленное органами НКВД сразу же после смерти муфтия Ризаэтдина (Ризы) Фахретдинова, последовавшей 12 апреля 1936 года, после обнаружения его письма членам ЦДУМ и Совета улемов, в котором он убеждал их в пользу закрытия этого центрального органа в структуре мусульманских религиозных организаций страны, что, по его мнению, заставило бы Советскую власть изменить свое отношение к религии.

К сожалению, еще до конца 1960-х годов широкой научной общественности имя Ризы Фахретдинова, выдающегося общественно-политического и религиозного деятеля, историка, философа и педагога, почти ничего не говорило [1]: в лучшем случае о нем знали лишь то, что он был в истории России одним из 12 муфтиев. На самом же деле Риза-хазрат (почетный титул от арабского — высочество, величество) был большим ученым, мыслящим в международном масштабе, которому удалось поднять авторитет ЦДУМ на очень высокий уровень. Достаточно сказать, что в 1926 году Риза Фахретдинов возглавил делегацию СССР на Всемирном мусульманском конгрессе в Мекке: будучи избранным сопредседателем этого конгресса, он в течение 10 дней на безупречном арабском языке не только вел этот конгресс, но выступил и сам с объемистым докладом об истории ислама и жизни мусульманства в СССР. Не многим известно также, что в знак почтения король Саудовской Аравии Ибн-Саид принял Ризу Фах-

ретдинова у себя, долго беседовал с ним и принес в дар ему чайный сервиз. Это участие Ризы-хазрата в работе Всемирного мусульманского конгресса в какой-то степени защитило его на своей родине: советские органы долго не решались его арестовать, справедливо полагая, что из-за этого с мусульманским миром будут большие неприятности. Открытое преследование заменили другим очень действенным средством — бесчисленными налогами, оставившими муфтия фактически без средств к существованию: за долги конфисковали почти всю мебель, забрали даже последний самовар, без которого не мог существовать даже обычный правоверный мусульманин. Для спасения семьи Риза Фахретдинов был вынужден обменивать на еду бесценные книги собственного сочинения. Известно, что несколько раз в Уфу приезжали из Австрии ученые, предлагавшие муфтию большие деньги за бесценный архив ЦДУМ: тогда в нем хранилось 88256 документов, Риза-хазрат довел их число до 250 тысяч, вдобавок к этому он оставил богатую библиотеку. Но Риза Фахретдинов заботился о будущем: «Да, деньги дадут возможность прожить мне и семье в достатке. Но, а что, если в будущем ученые, историки моего народа останутся еще в более сложных условиях, у них не будет возможности выехать за границу? Какой смысл от хранения архива там, в другой стране?»

Риза Фахретдинов умер в возрасте 77 лет 12 апреля 1936 года, его могила находится в Уфе на мусульманском кладбище. Переживи Риза-хазрат еще хотя бы один — два года, бесспорно, что в 1937 — 1938 годах он бы попал в безжалостные жернова политических репрессий. Об этом свидетельствует горькая судьба двух сыновей Ризы Фахретдинова: старший сын Габдрахман, ставший известным журналистом и историком, следственное дело которого и составило предмет нашего небольшого документального исследования, не дождавшись окончательного решения своей судьбы тройкой НКВД Башкирской АССР, умер 23 сентября 1937 года в уфимской тюрьме. Участь Габдрахмана разделил и Габдельхат, второй сын Ризы-хазрата. Он долгое время работал в Уфе агрономом-экономистом, в 1929 году уехал в Москву, трудился там в системе Центросоюза. В мае 1938 года по обвинению «в принадлежности к террористической организации» он будет арестован, а уже в сентябре того же года погибнет на бывшей даче председателя ОГПУ и наркома НКВД Генриха Ягоды, превращенной в расстрельную базу «Коммунарка». В 1937 году в Казани будет арестован зять Ризы Фахретдинова, муж его младшей дочери Асмы: Галимзян Шараф, талантливый ученый, автор трудов по языкознанию, демографии и экономической географии пройдет по «делу

Габдрахман Фахретдинов

антисоветской националистической организации» и 8 лет проведет в Мурманской области в лагерях.

Имеется немного сведений о Габдрахмане Фахретдинове: фактически это лишь скудная информация о нем в научно-публицистическом издании «Под знаменем автономного Башкортостана» А.Ш.Ярмуллина [2], еще более короткая статья того же автора в 7-ом томе «Башкирской энциклопедии» [3], материал в Википедии [4], написанный по этим источникам, а также мизерные сведения о Габдрахмане Фахретдинове, как выпускнике медресе «Хусаиния» в Оренбурге [5]. Указанные источники содержат ряд неточностей: так, например, в [2] и [3] ошибочно утверждается, что Габдрахман Фахретдинов в 1917 году был избран во Всероссийское Учредительное собрание, тогда как на самом деле в него от башкир Оренбургской губернии прошел его брат Габдельяхат. В своем исследовании мы использовали только подлинные архивные документы, а для восстановления уфимского и оренбургского периодов жизни Габдрахмана Фахретдинова отчасти и «Воспоминания об отце [Ризаэтдине Фахретдинове]» его дочери Асмы Шараф (1906—1998) [6].

Габдрахман Фахретдинов родился 15 января 1887 года в деревне Кичучатово Варваринской волости Бугульминского уезда Самарской губернии в браке Ризы Фахретдинова, выпускника медресе Нижние Чершилы (Черчеле), и Нуржимал (Нурямал), дочери ахуна из деревни Чудытлы Мензелинского уезда, в котором они проживут вместе 50 лет. Ко времени женитьбы молодой мударрис уже был автором небольшого трактата «Подарок для близких друзей» и учебного пособия по арабской грамматике «Книга по морфологии», изданной в 1885 году в Казани [2].

Летом 1885 года Ризаэтдин вместе со своим отцом отправился в Уфу в Оренбургское Магометанское Духовное собрание для сдачи экзамена, дававшего право занять должность имама (главы мусульманской общины). На экзамене присутствовал сам муфтий Мухамедъяр Султанов, отвечая на вопросы которого Ризаэтдин поразил всех присутствовавших высоким уровнем своих знаний. Осенью 1890 года Риза Фахретдинов был избран кадием Уфимской мусульманской общины и в феврале 1891 года с семьей прибыл в Уфу. К этому времени, кроме Габдрахмана, в ней был еще и 2-летний сын Габдельяхат. Уже на второй день после переезда он начал свою службу в Духовном управлении: помимо основной работы стал еще приводить в порядок доселе бесхозный архив Духовного управления, в котором хранились уникальные исторические документы о российских мусульманах, в том числе тысячи метрических книг татар и башкир. Именно в это время пребывания в Уфе Ризаэтдин Фахретдинов начал по настоящему заниматься научной работой, которая впоследствии составила всю его жизнь.

В 1895 году Риза Фахретдинов отправил на учебу в Оренбург в медресе «Хусаиния» своего 8-летнего сына Габдрахмана, а через год туда уедет и 7-летний Габдельяхат. В 1898 году он и сам впервые побывал в Оренбурге, где познакомился, в частности, с известными меценатами-золотопромышленниками братьями Шакиром и Закиром Рамеевыми. В начале 1906 года они добились разрешения издавать в Оренбурге газету «Вақыт» (Время), к сотрудничеству в которой привлекли Ризу Фахретдинова. Поняв, что для настоящей научной дея-

тельности необходимо оставить официальную службу в Духовном управлении, не дожидаясь переизбрания на очередной срок работы в должность кадия, он подал в отставку и в мае 1906 года всей семьей (которая к тому времени увеличилась: в 1882 году родился сын Габдельрашит, в 1900 — Сагит, в 1894 — дочь Зейнаб) переехал в Оренбург. С 1907 года Риза Фахретдинов стал директором медресе «Хусаиния», которое, находившись в ведении Оренбургского Магометанского Духовного собрания, содержалось на средства общественных деятелей купцов Хусаиновых. Вместе со своим 22-летним сыном Габдрахманом, уже окончившим это медресе, он продолжил работу в газете «Вақыт», а с декабря 1907 года, когда братья Рамеевы получили официальное разрешение издавать литературный общественно-политический журнал «Шура», еще и в этом журнале, в котором Риза Фахретдин стал главным редактором.

В переводе с арабского название журнала «Шура» означает «Совет»: журнал был задуман как своеобразный сборник разных советов. Уже в первом номере были определены рубрики журнала: разные новости, политика, экономика, рецензии на новые книги, викторины, конкурсы, кроссворды, частные объявления. Большинство публикаций в журнале так или иначе были связаны с мусульманским миром, историей, культурой и бытом тюркских народов, про-

Группа сотрудников газеты «Вақыт» и журнала «Шура». Оренбург. 1909 год. Слева направо: Габдрахман Фахретдинов, журналист; Фатых Карими, бессменный редактор газеты «Вақыт»; Ракиб Ракибов, сотрудник газеты «Вақыт»; Риза Фахретдинов; Осман Акчокрыклы, писатель и журналист, сотрудник крымской газеты «Тарджиман»; Закир Рамеев (Дэрдмэнд), издатель газеты «Вақыт» и журнала «Шура»; Ярулли Вали, журналист, прозаик, поэт, печатавшийся в газете «Вақыт»; Бурхан Шариф, писатель, журналист, корреспондент газеты «Вақыт»

Ризаэтдин Фахретдинов в кругу семьи. Верхний ряд: Габдрахман, Габдрашит, Зейнаб, Габдулахат; нижний ряд (слева направо): Нурджамал Абдулнасыровна, Асман, Ризаэтдин Фахретдинов, Сагит. Оренбург. 1912 год

блемами образования. Увлекательными и вместе с тем имевшими большую ценность стали статьи, помещенные в рубрике «Известные люди и события», в которой были напечатаны материалы о Волжской Булгарии, Золотой Орде, Казанском ханстве, о выдающихся историках, философах и ученых. Так, отдельные статьи были посвящены Сократу, Авиценне, арабскому философу и историку Ибн Халдуну, Декарту, Бэкону, Спинозе, Марджани, Толстому, Мечникову. Габдрахман Фахретдинов, литературный сотрудник газеты «Вақыт» и журнала «Шура», стал автором большого числа публикаций в этих изданиях. Назовем лишь две из них в журнале «Шура»: «Граф Л.Н.Толстой» (1910) и «Рабиндранат Тагор» (1913). Первая статья была опубликована в связи со смертью русского писателя и мыслителя и посвящена его памяти, а вторая написана о первом из неевропейцев, кто был удостоен Нобелевской премии по литературе. Большой интерес вызвала публикация в журнале «Шура» Габдрахмана Фахретдинова о просветителе татарского народа, уроженце Уфы Ибрагиме Терегулове, выпускнике Казанского университета, более 35 лет преподававшем в Татарской учительской школе, открывшейся в Казани в 1768 году, занимавшемся не только преподавательской, но также переводческой и издательской деятельностью. Следует сказать также, что с 1913 года Габдрахман Фахретдинов был вторым редактором газеты «Вақыт» с правом замещения первого редактора во время

его отсутствия. В середине 1914 года некоторое время он замещал и своего отца Ризаэтдина Фахретдинова, главного редактора журнала «Шура».

В 1916 году Габдрахман Фахретдинов был призван на воинскую службу: он начал отбывать ее в Бузулуке Самарской губернии ополченцем 2-го разряда (рядовым, физически негодным к службе в постоянных войсках, но способным носить оружие), а после введения в войсках должностей мусульманских священников — на румынском фронте дивизионным муллоу [8], откуда в марте 1917 года возвратился в Оренбург и продолжил свою работу в газете «Вақыт» и журнале «Шура». 10 мая 1917 года в Москве открылся Первый Всероссийский мусульманский съезд, на котором, между прочим, для общего руководства башкирским национальным движением было организовано Башкирское областное бюро: оно расположится в Оренбурге, в июне того же года будет преобразовано в Бюро союза башкирского народа, займется подготовкой и организацией I Всебашкирского съезда (курултая), состоявшегося в этом городе с 20 по 27 июля 1917 года. На Мусульманском съезде в Москве обсуждался, в частности, и вопрос об избрании Ризаэтдина Фахретдинова кадием Духовного собрания и возвращении его на работу в Уфу. Габдрахман Фахретдинов был тем, кто лично огласил на съезде официальное письмо своего отца на имя съезда о категорическом отказе от избрания кадием и возвращении из Оренбурга в Уфу для работы в Духовном управлении. Известно, что съезд отклонил этот официальный отказ Ризаэтдина Фахретдинова и все же избрал его для работы в Уфе кадием Духовного управления сроком на 3 года. Это обстоятельство впоследствии окажется даже своеобразным спасением для семьи Ризаэтдина Фахретдинова. Когда в январе 1918 года после разгрома армии атамана Дутова красные войдут в Оренбург, типография, выпускавшая газету «Вақыт» и журнал «Шура», будет конфискована, все её имущество и капиталы ликвидированы. Большая семья Ризаэтдина Фахретдинова, включавшая четверых детей, не успевших даже окончить школу, останется практически совершенно без средств к существованию. Оставив Оренбург, где было прожито 12 лет, Ризаэтдин Фахретдинов вернется в Уфу и станет работать кадием Духовного управления; вся семья, включая жену Габдрахмана Фахретдинова Рабигу с тремя детьми, окажется в Уфе только в мае 1918 года после окончания учебного года. В 1923 году Ризаэтдин Фахретдинов будет официально избран председателем (муфтием) Центрального Духовного Управления мусульман Внутренней России и Сибири, ставшего правопреемником Оренбургского Духовного управления мусульман, и в дальнейшем до конца своей жизни неоднократно переизбираться на этот высший пост в мусульманской духовной иерархии.

Еще в конце декабря 1917 года Габдрахман Фахретдинов принял участие в работе проходившего в Оренбурге III Всебашкирского курултая (съезда), впоследствии названного Учредительным: этот съезд утвердил провозглашенную Башкирским шуру национально-территориальную автономию Башкурдистана и разработал меры по осуществлению управления им, в частности, избрал и утвердил Кесе-Курултай (предпарламент). В состав этого высшего законодательного органа вместе со своим отцом Ризаэтдином Фахретдиновым вошел и его старший сын Габдрахман. В конце января 1918 года Оренбург будет взят частями Красной Армии и вскоре часть членов Башкирского правительства окажется

арестованной. В это время Габдрахман Фахретдинов руководил Комиссией по отделу Комиссариата по мусульманским делам при Оренбургском губернском исполнительном комитете, а в июле того же года после второго захвата города атаманом Дутовым уедет в Стерлитамак и вернется обратно в Оренбург только в августе. 18 августа 1918 года в «Вестнике Башкирского правительства» [9] появится сообщение о том, что заведующий отделом информации Башкирского правительства Габдрахман Фахретдинов назначен редактором этой новой газеты, возникшей в результате слияния двух ранее существовавших газет — «Голос башкир» и «Башкорт».

С сентября 1919 года Габдрахман Фахретдинов работал в Башкирском военно-революционном комитете (Башревкоме) в Стерлитамаке, ставшем центром Малой Башкирии. Его имя как члена Комитета комиссариата соцобеспечения фигурирует в Журнале №157 Башревкома от 29 сентября 1919 года [10], в октябре того же года он стал врио наркома соцобеспечения [11], с января 1920 года действующим наркомом социального обеспечения [12], принимавшим деятельное участие в работе «Башкирпомощи» — комиссии, созданной по постановлению Совнаркома РСФСР от 6 октября 1919 года «Об организации помощи башкирам, пострадавшим от белогвардейцев». Сохранился «Формулярный список служащего Фахретдинова Габдрахмана Ризаэтдиновича», из которого, в частности, можно узнать о его семейном положении: «Семья при мне: жена

Печатные издания Габдрахмана Фахретдинова по истории башкирского народа: «Выживет ли башкирский народ?» (Стерлитамак, 1922) и «История башкир» (Уфа, 1925)

(28 лет); сыновья 6 и 4, дочери 5 лет» [13], а из отметок стола личного состава о продвижении по службе в Башкирском правительстве: «Первый раз 8 августа 1918 года в г.Стерлитамаке, а в последний раз — 24 сентября 1919 года в г.Стерлитамаке».

С декабря 1920 года Габдрахман Фахретдинов стал членом Коллегии и заместителем заведующего Башкирским книгоиздательством [14]. Сохранился подлинник постановления БашЦИК от 16 февраля 1922 года об учреждении в Стерлитамаке при научном отделе Башнаркомпроса Общества по изучению быта, культуры и истории Башкирии [15], к работе которого были привлечены лучшие научные силы Башреспублики. Среди 7 действительных членов этого Общества значились: «Риза Фахретдинов, ученый, историк» и его старший сын «Габдрахман Фахретдинов, журналист и публицист». В сентябре 1922 года это Общество в связи с образованием Большой Башкирии объединилось с находившимся в Уфе Обществом по изучению Южного Урала и получило название Общество по изучению Башкирии. Новое Общество стало издавать «Башкирский краеведческий сборник», а вместе с Башнаркомпросом участвовать в выпуске журнала «Башкорт аймағы» («Башкирский край»). Сохранился второй экземпляр «Отчета Башкирского областного бюро краеведения» от 3 июля 1926 года, посланного в Москву в Центральное бюро краеведения, о создании и деятельности этой новой организации при Академическом центре Башнаркомпроса, из которого следует, в частности, что «краевед-историк Габдрахман Фахретдинов» состоит членом его Временного бюро [16]. Габдрахман Фахретдинов, как это следует из документа, датированного 27 февраля 1924 года [17], был привлечен и к работе Комиссии Академцентра Башнаркомпроса по установлению башкирского литературного языка (председателем этой комиссии был Шагит Худайбердин, а членами, кроме Габдрахмана Фахретдинова, состояли Сагит Мрясов, Шариф Манатов, Хайрулла Габитов и Даут Юлтый).

Еще в Стерлитамаке Габдрахман Фахретдинов начал собирать материалы по истории башкирского народа. В Национальной библиотеке Республики Башкортостан недавно была обнаружена его неизвестная ранее статья «Выживет ли башкирский народ?», опубликованная в начале 1922 года в Стерлитамаке, когда город еще был центром Малой Башкирии. Возможно, что она была частью изданной в 1925 году в Башгосиздате Габдрахманом Фахретдиновым «Истории башкир» [18]: книга состоит из 80 коротких глав, начинающихся с того, «Как жили башкиры в давние времена» и оканчивавшихся главой об образовании Автономной Башкирской Советской республики («Октябрь в Башкортостане»).

В мае 1923 года Габдрахман Фахретдинов был приглашен в Башсовнарком для работы переводчиком узаконений и постановлений правительства (с русского языка на башкирский и наоборот): «состоит на службе в Управлении делами Совета народных комиссаров АБССР на должности переводчика на спецставке по 15 разряду ответственных политических работников» [19]. В октябре 1924 года должность переводчика в связи с передачей в Управление делами Башсовнаркома работ по переводу на башкирский язык была упразднена. Сохранилась выписка из приказа № 113 по Управлению делами Башсовнаркома от 3 ноября 1924 года: «переводчика Управления делами Башсовнаркома Габдрахмана Фахретдинова с 4 ноября с.г. [1924 г.] считать уволенным с занимаемой должности

по собственному желанию»; из указанного короткого «Личного дела Габдрахмана Фахретдинова» получим также информацию и о составе его семьи на этот момент времени: «семья: жена Рабига (31 год); дети: Яудат (12 лет), Наиля (9 лет), Джафар (7 лет)».

Сразу же после смерти Ризаэтдина Фахретдинова, последовавшей, как уже говорилось выше, 12 апреля 1936 года, казый Духовного управления Кашшаф Тарджиманов, опираясь, якобы, на устное завещание умершего муфтия, не созывая съезда мусульман, но поставив об этом в известность ВЦИК РСФСР, провозгласил себя новым муфтием ЦДУМ. Кадии опротестовали этот поступок Тарджиманова, ссылаясь на нормы шариата, требовавшие для выбора председателя ЦДУМ созыва съезда мусульман. В такой непростой обстановке, сложившейся в мусульманском сообществе советского государства, власти сочли за лучшее арестовать Тарджиманова, что и было ими сделано в начале мая 1936 года в Москве, где в это время находился «самопровозглашенный муфтий».

Однако, первый удар по уфимским мусульманам, за которым последовало возбуждение громкого «Дела о заговоре руководителей ЦДУМ», был нанесен гораздо раньше: уже через неделю после смерти Ризаэтдина Фахретдинова, 19 апреля 1936 года, органы НКВД Башкирской АССР арестовали в Уфе казначея ЦДУМ Шарафа Шагара (Шагара Шарафа Шарафутдиновича), выпускника медресе «Мухаммадия», преподававшего в нем с 1896 года историю религии, а после его закрытия в 1919 году исполнявшего обязанности муллы в Казани (1920—1925). Шараф Шагар был участником Первого общесоюзного съезда мусульман 1923 года, но в 1928 году его арестовали и осудили на 3 года. Возвратившись из заключения, Шараф Шагар безуспешно искал работу в Казани, Орле, Харькове и Москве. В 1933 году он приехал в Уфу, устроился на работу в ЦДУМ сначала библиотекарем, а потом, используя родственные связи с Тарджимановым, около 10 лет проработал казначеем. При аресте Шарафу Шагару было предъявлено обвинение в том, что он принял участие в создании группы, ставившей целью «организационное сколачивание антисоветски настроенного мусульманства, активизацию его против Советской власти под видом усиления борьбы за сохранение мечетей, распространение слухов о скорой неизбежной гибели Советской власти».

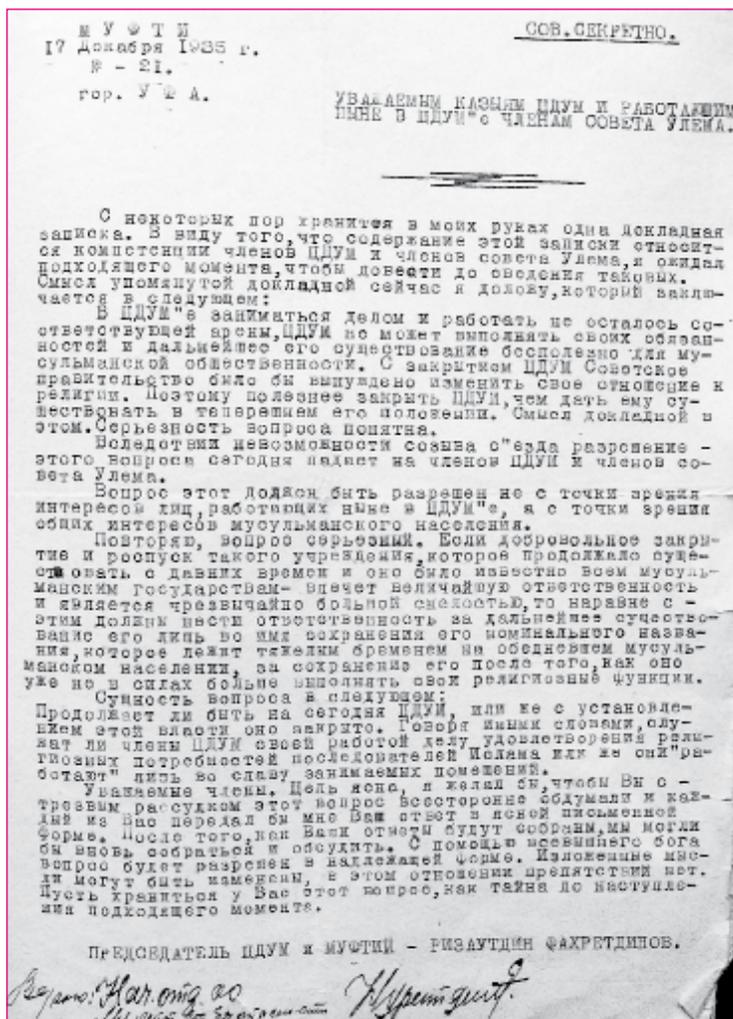
Полученные от Шарафа Шагара сведения о состоянии дел в ЦДУМ в последние годы жизни Ризаэтдина Фахретдинова были переданы сотрудниками НКВД Башкирской АССР в Москву непосредственно в Военную прокуратуру СССР. Следствием именно этого стало получение санкции прокурора СССР на арест в мае 1936 года в Москве не только Тарджиманова, но и ряда его знакомых. Сначала арестовали имама-хатыба Московской мечети Абдуллу Шамсутдинова; инженера одного из московских заводов М.А.Ерзина (его отец меценат Абдул-Салах Ерзин финансировал в 1901 году строительство 2-ой Московской мечети, а сестра Фатима была замужем за Мирсаидом Султан-Галиевым, ставшим еще в 1929 году «первой жертвой генсека»); научного сотрудника Б.Б.Давишева и экономиста Э.Н.Акчурина. Затем тоже в Москве арестовали члена ЦДУМ казыя Парвазетдина Камалетдинова (Зия Камали) и еще свыше 20 человек, знакомых Тарджиманова из Москвы, Казани и Ташкента. Всей этой группой арестованных занималось московское отделение НКВД, завершившее свою работу через пол-

года: в январе 1937 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила большинство из них по пунктам 4 и 10 статьи 58 Уголовного Кодекса РСФСР к 10 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах.

При аресте у Тарджиманова была изъята копия докладной записки от 22 августа 1935 года, написанной им на имя муфтия Ризаэтдина Фахретдинова, с предложением о закрытии ЦДУМ в целях воздействия на советское правительство, а также копия секретного документа — письменное предложение самого муфтия Ризаэтдина Фахретдинова казыям, членам ЦДУМ и работавшим в нем членам Совета улемов за №21 от 17 декабря 1935 года с предложением обсудить возможность закрытия этого учреждения с целью изменения отношения Советского государства к религии. Приводим впервые факсимиле копии этого документа в переводе на русский язык, который находится в архиве УФСБ России по Республике Башкортостан в «Следственном деле Абдрахмана Фахретдинова».

Секретное письмо Р.Фахретдинова с предложением
о закрытии ЦДУМ

Уже 16 июня 1936 года на допросе в Москве Кашшаф Тарджиманов «признался» в том, что еще в 1928 году на заседании контрреволюционной белогвардейской организации «Идель-Урал», созданной в Харбине Гаязом Исхаки, признанным лидером тюрко-татарской эмиграции в 1920—1930 годах, он стал одним из организаторов создания на территории Башкирии, Татарии, в Омске и ряде других городов панисламистской организации, ставившей своей целью свержение Советской власти и установление независимого мусульманского государства. В состав этой организации, по словам Тарджиманова, входили: член ЦДУМ Зия Камали, имам-хатиб Московской мечети Абдулла Шамсутдинов,

бывший муфтий Крыма Тарки Ибрагимов, бывший мулла города Уфы Хазивали Махмудов. Тарджиманов показал также, что через Абдуллу Шамсутдинова контрреволюционный центр имел в Москве связь с секретарем японского посольства Шимошида и рядом других работников из афганского и турецкого посольств. На допросе Тарджиманов назвал несколько десятков своих знакомых, проживавших не только в Москве и Ленинграде, но и в других крупных мегаполисах Поволжья (Уфе, Казани, Куйбышеве, Ульяновске, Горьком, Астрахани) и Средней Азии (Ташкенте, Бухаре, Самарканде). После этого «Дело о заговоре руководителей ЦДУМ» в полную силу начало раскрываться и во всех этих городах.

Уже к середине июля 1936 года были намечены первые жертвы уфимского центра «Дела о заговоре руководителей ЦДУМ». Кроме упомянутого выше Шарафа Шагара, ими стали: Мулламур Усманов, Габдрахман Фахретдинов, Гумбда Хабилов, которых арестовали после ночного обыска уже утром 17 июля 1936 года.

Из справки на арест Мулламура Усманова: 1869 года рождения, до революции крупный торговец; в годы гражданской войны эвакуировался с братьями сначала в Японию, а затем в Китай; имел в Харбине крупную мануфактурную торговлю, был одним из руководителей харбинской мусульманской общины татар, «проводившей в СССР по заданию японских разведывательных органов шпионско-диверсионную и контрреволюционную деятельность». В 1925 году Усманов вернулся в СССР, в 1928 году органами ОГПУ по Татарии он был осужден по статье 58-10 Уголовного кодекса РСФСР на 5 лет. При аресте в Уфе у Усманова были изъяты записные книжки, альбом о Японии, штамп с надписью «Япония» на английском языке. Это и послужило поводом к его аресту по статье 58-1 УК РСФСР. К концу 1936 года обвинение за связь с членами ЦДУМ Зией Камали и Мухлисой Бобинской перекалфицируют по более строгим частям 4, 10 и 11 статьи УК РСФСР.

Из справки на арест Гумбды Хабилова: Хабилов Гумбда Сагдуллин, татарин, сын бывшего ахуна деревни Багадаш Буздякского района, родственник японского агента Салаха Хабилова, друг белоэмигрантов Закира Кадыри и Гаяза Исхаки, бывшего заместителя редактора тюрко-язычной газеты «Турмуш» (Жизнь), издававшейся до событий 1917 года в Уфе.

Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения Габдрахману Фахретдинову было утверждено НКВД по Башкирской АССР 14 июля 1936 года. В этом документе, официально предъявленном ему лишь 3 августа, говорилось: «Фахретдинов Абдрахман, сын бывшего муфтия гор. Уфы, достаточно изобличается в том, что он, зная о к/рев. деятельности зам. муфтия Тарджиманова Кашшафутдина, скрыл это...; привлекается в качестве обвиняемого по ст. 58-10 УК РСФСР, мерой пресечения от способа уклонения от следствия и суда избрать ему содержание под стражей в уфимской тюрьме».

А вот какая информация содержалась в Описи вещей, изъятых при аресте Габдрахмана Фахретдинова, впоследствии оказавшихся полностью утраченными: обширная переписка (207 писем, общее число листов — 310), «цифровой документ» по учету мусульманского духовенства и мечетей в Башкирии — на 58 листах, рукопись неопубликованной статьи арестованного — 36 листов; фотографии, блокноты и финский нож, «хранившийся без разрешения».

Из первого протокола допроса Габдрахмана Фахретдинова, состоявшегося 19 июля 1936 года, узнаем о составе его семьи, проживавшей на момент ареста в Уфе по улице Лассалья, дом 11: «жена Зейнаб (44 года); 2 сына (23 и 20 лет), дочь (21 год); брат Ахат (47 лет), ныне работает в Москве в Наркомвнуторге СССР; сестры Зейнаб (врач в Казани) и Асма (домохозяйка, жена преподавателя Пединститута в Казани)». Из материалов этого допроса следует также, что в 1915 году Габдрахман Фахретдинов «за литературные дела» был судим сессией Саратовской судебной Палаты и подвергнут денежному штрафу 50 руб., но после революции репрессиям не подвергался. Подследственный указал и сведения о последних местах своей работы: до 1933 года переводчик и корректор, после увольнения 1 год инструктор в Башколхозсоюзе, а после ликвидации этого учреждения — секретарь Земельной комиссии Наркомзема; одновременно, по день ареста, работал и на дому сдельно, перевод с русского на башкирский язык материалов для различных учреждений.

На втором допросе, состоявшемся 28 июля 1936 года, Габдрахман Фахретдинов, категорически отвергая возможность контрреволюционной деятельности своего отца, признался в том, что знал о переписке муфтия с рядом белогвардейских татар и другими лицами, проживавшими за границей. Среди тех, с кем переписывался его отец Ризаэтдин Фахретдинов, были названы казый Рашит Ибрагимов и журналист Галимджан Идриси. Первый из них до 1906 года работал в Уфе в Духовном управлении, затем переехал в Петербург, начал издавать газету

Постановление о переквалификации обвинения
Габдрахмана Фахретдинова

УТВЕРЖДАЮ
СО УГБ УНКВД
по БАССР.
Иван Гос. Безоп.
КАРПОВ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1936г. Декабря 15 дня, в нач. 3 отд. СО
УГБ УНКВД по БАССР - мл. лейтенант Гос. без-
опасности Нуретдинов рассмотрел следственное
дело в. 2301 по обвинению Фахретдинова Абдрах-
мана и др. по ст. 58-10-11-4-5 УК.

И Д И Ж И :

что следствием установлена принадлежность Фахретдинова Абдрах-
мана к националистической контрреволюционной организации, при-
нимавшей участие в шпионско-диверсионной повстанческой организации
возглавляемой его отцом муфтием ИДУМ Фахретдинов, его замести-
телем Гардымановым, был осведомлен о встрече своего отца за гра-
ницей с лидерами белой эмиграции - Гаяз Исхаковым, Заки Валидовым
и др. знал о приезде из заграницы агентов иностранных государств
с контрреволюционными заданиями к его отцу Муфтию Фахретдинову, а
потому

ПОСТАНОВИЛ:

обвиняемому Фахретдинову Абдрахману ранее пред'явленное
обвинение переквалифицировать и пред'явить обвинение по ст. 58-10-
11-4 УК РСФСР.

нач. 3 отд. СО УГБ УНКВД
мл. лейтенант гос. безопасности - Нуретдинов.

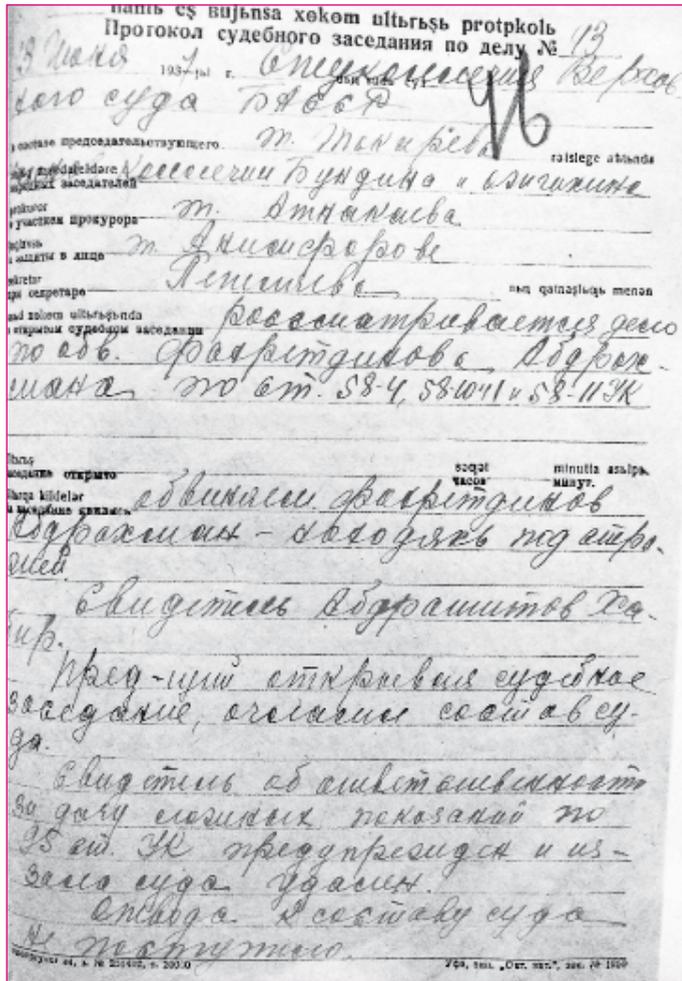
Настоящее постановление мне об'явлено ф. Фахретдинов А.Р.
15 декабря 1936 года. -
копия верна: секретарь - *Галимова*

«Ульфат» (Согласие); в 1919—1920 годах эмигрировал сначала в Турцию, а затем в Японию, где стал муллою открывшейся в Токио в 1934 году мечети, разрешение на постройку которой император Японии дал в 1906 году.

С Галимджаном Идриси, по показаниям Габдрахмана Фахретдинова, его отец был знаком еще по Оренбургу, где молодой выпускник Стамбульского университета с 1912 года работал учителем и печатался в газете «Вақыт» и журнале «Шура». В конце 1913 года Идриси уехал в Бельгию, изучал в Льеже философию и историю, а затем поселился в Берлине, где после начала войны в его пригороде Вюмдорф занимался организацией лагеря для военнопленных; в

годы НЭПа приезжал в Бухару, Казань и Уфу для набора шакирдов для обучения в Германии; в 1933 году Идриси устроился работать сотрудником Министерства иностранных дел фашистской Германии. На вопросы следователя, что известно сыну муфтия о контрреволюционной деятельности Кашшафа Тарджиманова, Габдрахман Фахретдинов показал, что никакими сведениями об этом он не располагает.

Габдрахман Фахретдинов допрашивался еще четыре раза: 8, 15, 25 и 31 октября 1936 года. На допросах присутствовало «подкрепление» в виде высокого лица из Москвы, с помощью которого из подсудимого буквально «выдавили» дополнительные «признательные показания», которые позволили переqualифицировать предъявленное ему обвинение по значительно большему числу пунктов печально известной статьи 58 УК РСФСР. Следствие очень интересовало связь Ризаэтдина Фахретдинова с Мусой Бигеевым, бывшим имамом-хатыбом Пе-

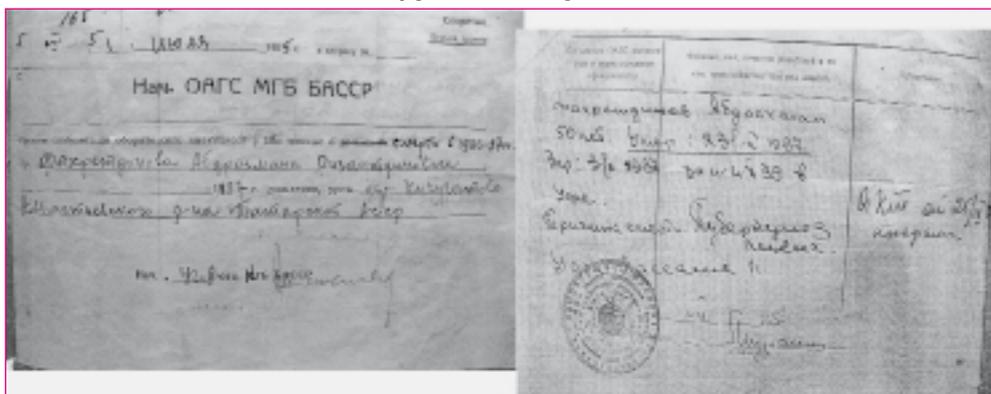

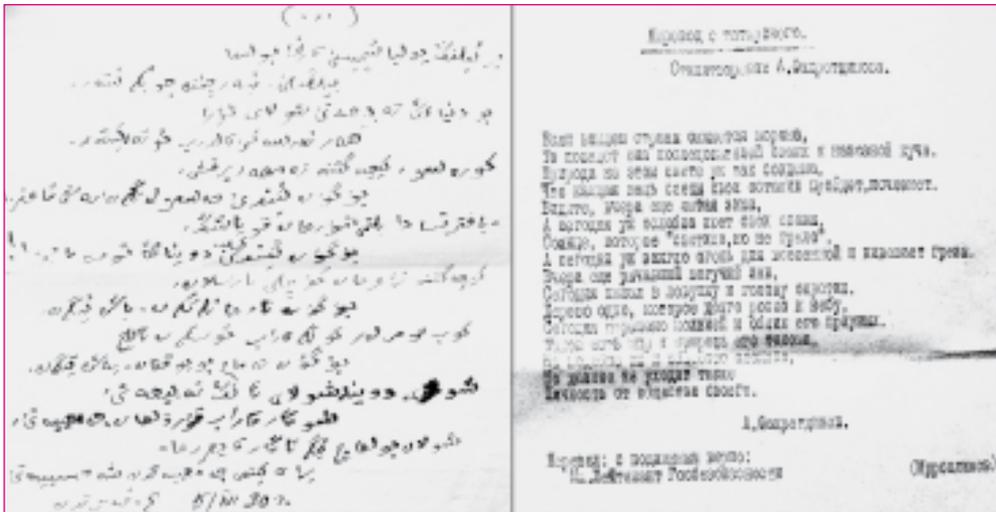
Первый лист последнего протокола судебного заседания по делу Габдрахмана Фахретдинова от 13 июля 1937 года

троградской Соборной мечети, который в 1930 году эмигрировал из Советской России. Отец Габдрахмана Фахретдинова был хорошо знаком с ним с 1909 года, когда Муса Бигеев некоторое время работал преподавателем медресе «Хусаиния» в Оренбурге. Сразу после революции 1917 года Муса Бигеев не эмигрировал; в 1920 году он был участником съезда мусульманского духовенства в Уфе, где выступил со своими предложениями по перестройке мусульманского общества (их потом называли «исламской конституцией»); после публикации в 1923 году «Азбуки ислама» в Берлине был арестован в Москве, куда прибыл из Петрограда, направляясь в Индию на мусульманскую конференцию; после обращения татар Финляндии к правительству Турции, в то время дружественного с Советской Россией государства, был освобожден и до 1925 года преподавал основы ислама в Москве в Исторической мечети; в 1930 году в Средней Азии перешел границу, перебрался сначала в Афганистан, затем в Индию, а оттуда в Германию; на момент ареста Габдрахмана Фахретдинова проживал в Финляндии. Подследственный подтвердил, что знал об этом от отца, но никакой другой информации о Мусе Бигееве от Габдрахмана Фахретдинова получить следователю не удалось.

Обвинительное заключение по уфимской части «Дела о заговоре руководителей ЦДУМ» о «контрреволюционной шпионско-диверсионной организации, созданной в СССР среди мусульман для активной борьбы против Советской власти» Особым отделом УГБ НКВД Башкирии было составлено к концу декабря 1936 года: одним из 12 человек (Абызгильдин Джигангир, Камалетдинов Мухтар и др.), проходивших по этому делу, значился и Фахретдинов Габдрахман Ризаэтдинович, который обвинялся в том, что «состоял в к-р [контрреволюционной] националистической организации; принимал участие в шпионско-диверсионной деятельности к-р организации, возглавляемой отцом, б. [бывшим] муфтием Фахретдиновым, и Тарджимановым; был осведомлен о встречах отца за границей с лидерами белой эмиграции Гаяз Исхаковым, Заки Валидовым и др.; знал о приезде из-за границы агентов белоэмигрантских центров с к-р заданиями к его отцу муфтию Фахретдинову; информировал некоторых лиц о деятельности белой эмиграции против СССР и по поручению отца передавал письма, полученные из-за границы от белогвардейцев их родственникам и знакомым», то есть в преступлениях, предусмотренных ст. 58 пункты 4, 10 и 11 УК РСФСР.

*Официальный документ о смерти Габдрахмана Фахретдинова
в уфимской тюрьме*

Стихотворение Г.Фахретдинова с переводом на русский язык в переводе младшего лейтенанта госбезопасности Мурсалимова

В своей монографии «Ислам в Башкортостане» А.В.Юнусова, уделившая изложению дела № В-2301 целую главу [20], утверждает, что после предъявления этого обвинения в его материалах упоминаний об Абдрахмане Фахретдинове больше не встречается. Ссылаясь на татарского исследователя жертв политических репрессий Б.Ф.Султанбекова, она лишь сообщает о том, что «один из охранников [Уфимской тюрьмы], рискуя своей жизнью, показал родственникам погибшего на глубокую яму, в которой захоронено тело А.Фахретдинова. К сожалению, и сегодня неизвестны точная дата и обстоятельства его смерти, место захоронения» [21].

На самом деле все обстояло не совсем так. Верховный суд Башкирской АССР, состоявшийся 22 декабря 1936 года, выделил «Дело Абдрахмана Фахретдинова» в отдельное, а остальных, проходивших по делу В-2301 уфимской контрреволюционной организации при ЦДУМ, приговорил к 4—8 годам лагерей с последующим поражением на 3—5 лет в гражданских правах. Специальная комиссия Верховного Суда РСФСР нашла этот приговор неоправданно мягким и приняла постановление о продолжении расследования.

Отдельно выделенное «Дело Абдрахмана Фахретдинова» слушалось 13 июня 1937 года в судебном заседании Верховного суда Башкирской АССР. Приводим факсимиле первого листа протокола этого заседания, на котором подсудимый Абдрахман Фахретдинов виновным себя не признал. Он, правда, «согласился» с тем, что действительно знал о переписке своего отца муфтия Ризаэтдина Фахретдинова с некоторыми его знакомыми, проживавшими за границей. Однако, все письма официально проходили через почту и поэтому подсудимый не должен был сообщать органам НКВД о письмах, переданных отцом сыну на хранение. Нужно учесть, по заявлению подсудимого, и тот факт, что за границу муфтий Фахретдинов выезжал с разрешения советского правительства. Подсудимый подтвердил факт своего присутствия на некоторых встречах отца с различными

людьми, но по-прежнему категорически отрицал, что они носили контрреволюционный характер. Он «согласился» с тем, что 3 рукописи, обнаруженные у него при аресте, могут быть, по-видимому, названными «контрреволюционным материалом», то же самое при желании можно сказать и о нескольких письмах, переданных муфтием своему сыну на хранение. Однако, на утверждение обвинителя, что «сам факт хранения подобных документов уже равноценен контрреволюционной деятельности», подсудимый упорно давал одни и те же ответы, об идентичности которых свидетельствуют, например, такие зафиксированные в материалах заседания фразы: «...рукописи мне не принадлежат, составлены они не мною и хранились у меня как исторические документы, которые в дальнейшем будут иметь ценность для истории» или «...он [отец Ризаэтдин Фахретдинов] их мне передал потому, что они, по-видимому, были ценны и должны были быть сохранены для истории». Для доказательства того, что обнаруженные у него при аресте рукописи и часть документов написаны не его рукой, Габдрахман Фахретдинов потребовал проведения судебной экспертизы своего почерка.

Верховный Суд БАССР слушанием в судебном заседании 13 июня 1937 года «Дела Габдрахмана Фахретдинова» отложил его на неопределенный срок до возвращения из Верховного суда РСФСР основного дела, которое по мнению суда и определит вину Габдрахмана Фахретдинова, а до этого отправил его в Особую Тройку при НКВД БАССР: «за ними же перечислить содержание под арестом обвиняемого».

Верховный суд РСФСР, рассмотревший 7—11 января 1938 года основное дело (В-2301) в отношении 11 арестованных (дело 12-го — Габдрахмана Фахретдинова было выделено в отдельное), огласил приговор: троих к 10 годам лагерей и 5 годам поражения в правах, остальных — к высшей мере наказания (расстрелу). 31 декабря 1956 года Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР это дело было прекращено за отсутствием в действиях осужденных состава преступления: все они были полностью реабилитированы.

29 июля 1959 года на имя прокурора Башкирской АССР поступило заявление Нейли Фахретдиновой, проживавшей в Казани, с просьбой пересмотреть дело ее отца, Фахретдинова Габдрахмана Ризаэтдиновича, арестованного 17 июля 1936 года: находясь под следствием, он, по некоторым данным, умер осенью 1937 года в уфимской тюрьме. Прокуратура БАССР по надзору за следствием в органах госбезопасности обнаружила «Дело В-4506 Габдрахмана Фахретдинова», провела по нему проверку и установила: во-первых, оно было выделено из основного дела В-2301, которое Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 21 декабря 1956 года было прекращено за отсутствием в действиях осужденных состава преступления; во-вторых, окончательное решение по делу В-4506 принято не было, поскольку 23 сентября 1937 года Габдрахман Фахретдинов умер в тюрьме от воспаления легких.

В деле В-2005 Габдрахмана Фахретдинова сохранились два интересных документа. Первый из них, подписанный экспертом 4-го отделения Отдела уголовного розыска НКВД БАССР о сличении почерка «гр. Фахретдинова в 2 общих тетрадах и 5 блокнотах» с почерком авторов документов, изъятых у подсудимого при аресте, подтвердил полное совпадение почерка Габдрахмана Фахретдинова только с одним документом — стихотворением о Сталине. Второй документ —

это стихотворение, которое было написано на старом литературном татарском языке 5 декабря 1930 года, и его перевод на русский язык мы воспроизводим.

Прокуратура Башкирской АССР после изучения архивно-следственного дела В-4506 Габдрахмана Фахретдинова и дополнительной проверки, произведенной по нему в 1959 году, своим Постановлением от 12 ноября 1959 года отменила постановление 3 отделения Особого отдела УГБ УНКВД БАССР от 15 декабря 1936 года и заключение прокуратуры БАССР от 22 июля 1937 года в отношении Фахретдинова Габдрахмана Ризаэтдиновича, а само дело в уголовном порядке прекратила за отсутствием события преступления.

Литература

1. *Баишев Ф.Н.* Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. — Уфа: Китап. 1996, 176 с.

2. *Ярмуллин А.Ш.* Габдрахман Фахретдинов. / Под знаменем автономного Башкортостана. // А.Ш.Ярмуллин. — Уфа: РИО НБ РБ. — 2009, с.174—175 (башк.яз.)

3. *Ярмуллин А.Ш.* Фахретдинов Габдрахман Ризаэтдинович (1887—1936). / Башкирская энциклопедия: в 7 томах // гл.ред. М.А.Ильгамов. / А.Ш.Ярмуллин. — Уфа: Изд. Башк. Энцикл. — Т.7. — 2011, с.25.

4. Фахретдинов Габдрахман Ризаэтдинович [Электронный ресурс]: <https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=>

5. *Рахимкулова М.Ф.* Габдрахман Фахретдинов. / Медресе «Хусаиния» в Оренбурге. / М.Ф.Рахимкулова. — Оренбург. — Яна Вакыт. — 1997, с.24—25.

6. *Шараф Асма.* Ризаэтдин Фахретдин. Воспоминания об отце: [электронный ресурс]: <http://www.kcp.ru/school/gumnp2/fehretdin.him>.

7. *Роднов М.Н.* Семья Ризы Фахретдинова по материалам земской переписи 1900—1901 годов. // Проблемы башкирской, татарской культуры и наследие Ризы Фахретдинова: Материалы межрегионального симпозиума. (13 мая 2005 г.). — Уфа: Принт. — 2006, с.15—20.

8. ЦИА РБ. Фонд 1107. Оп.1. Дело 16. л.л. 1,1 об.

9. Вестник Башкирского правительства. 1919. 18 августа (башк. яз.)

10. ЦИА РБ. Фонд 1107. Оп.1. Дело 1. л.106.

11. ЦИА РБ. Фонд 1107. Оп.1. Дело 87. л.176.

12. ЦИА РБ. Фонд 1107. Оп.1. Дело 88. л.92.

13. ЦИА РБ. Фонд 1107. Оп.1. Дело 16. л.л. 1,1 об.

14. ЦА РБ. Фонд 22. Оп.4. Дело 19. л.92 об.

15. ЦИА РБ. Фонд Р-933. Оп.1. Дело 73. л.32.

16. ЦИА РБ. Фонд Р-798. Оп.1. Дело 1505. л.л.339—340.

17. ЦИА РБ. Фонд Р-798. Оп.1. Дело 1283. л.24.

18. *Фахретдинов Габдрахман.* История башкир. Башкир кн.изд. 1925, 80 с. (башк. яз.)

19. *Фахретдинов Габдрахман.* ЦИА РБ. Фонд Р-933. Оп.2. Дело 285. л.л.1—16.

20. *Юнусова А.Б.* Разгром мусульманских центров в 1936 году / А.Б.Юнусова. Ислам в Башкортостане. — Уфа: Уфимполиграфкомбинат. — 1999, с.170—190.

21. *Султанбеков Б.Ф.* История Татарстана: страницы секретных архивов. — Казань. Татар кн. изд. — 1994, с.60.